

Письма в редакцию

К ПОПЫТКЕ ЧТЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ НАДПИСИ

Обломок песчаника с загадочными знаками, привезенный мною из Майкопа, я показывал в Ленинграде специалистам по древним письменностям — Ю. В. Кнорозову и А. А. Вайман, а также археологам и этнографам. У них сложилось общее мнение, что, во-первых, знаки эти являются, очевидно, письменами, во-вторых, что камень нельзя считать фрагментом несохранившегося более крупного памятника, так как в противном случае знаки не заходили бы на сколотые плоскости у неровных краев камня и, наконец, в-третьих, что знаки, будучи уникальными, вряд ли могут быть растолкованы в ближайшее время. Г. Ф. Турчанинов, которому я тоже показал этот камень, согласился лишь с двумя первыми выводами и выступил затем с заявлением, что знаки Майкопского камня датируются XIII—XII вв. до н. э. и являются древнейшей в СССР надписью, сделанной библскими буквами и хеттскими детерминативами на абхазском языке¹.

В настоящее время Е. И. Крупнов и П. У. Аутлев доказали, что нет оснований для отнесения Майкопского камня к XIII—XII вв. до н. э.², а И. М. Дьяконов подверг убедительной критике попытку сопоставить знаки Майкопского камня со знаками библской письменности³.

Прибавим несколько других соображений, которые заставляют критически отнестись к гипотезе Г. Ф. Турчанинова, столь широко и преждевременно рекламированной в СССР и за границей.

Вызывает удивление, что для торжественной царской надписи о строительстве города не нашлось достаточно массивного камня с отесанными краями и с выглаженной поверхностью. Всякий, кто имел дело с эпиграфическими памятниками, знает, что строительные надписи любых эпох обычно не встречаются на необработанных, грубых обломках, подобных Майкопскому камню.

Известно, что в районе нынешнего гор. Майкопа не находили следов древнего города, хотя этот район неплохо изучен археологами. Поэтому естественно настаивает заявление Г. Ф. Турчанинова о том, что в Майкопской надписи будто бы говорится о «городе Ах» или «А (и) а», который находился в районе Майкопа и «имел важное торговое и стратегическое значение»⁴. Наша осторожность в данном случае оправдывается памятью об «открытии» Г. Ф. Турчаниновым древнего «города Пантикопы» в районе нынешнего города Черкесска. Г. Ф. Турчанинов прочел о Пантикопе в якобы «кабардинской» надписи VI—VII вв., написанной греческим алфавитом⁵. Вскоре после опубликования Г. Ф. Турчаниновым этой надписи, он рассказал автору этой статьи, что надпись оказалась поддельной. В печати ссылались на «открытие» Г. Ф. Турчаниновым «кабардинской» письменности VI—VII вв.⁶, но за 20 лет, прошедшие со времени выхода в свет указанной его работы, он, к сожалению, не собрался заявить в печати о допущенной им ошибке.

¹ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1965, № 3 и 1966, № 2; G. Tourtchaninov, Les révélations de la pierre inserite de Maïkop, «Archeologia», Paris, 1966, № 12.

² Е. И. Крупнов, О загадочной Майкопской надписи, «Вопросы истории», 1964, № 8; его же, Ответ Г. Ф. Турчанинову, «Вопросы истории», 1965, № 4; П. У. Аутлев, 32 ли века Майкопской плите?, газ. «Адыгейская правда», 1965, № 56; его же, К вопросу о возрасте Майкопской плиты, ВДИ, 1966, № 2.

³ И. М. Дьяконов, Майкопские письма, ВДИ, 1966, № 2.

⁴ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 95.

⁵ Г. Турчанинов, Письменные памятники средневековой Кабарды, газ. «Кабардинская правда», 1946, № 169.

⁶ П. Г. Акритас, Древнейшее название горы Бештау, «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик, 1954, стр. 212; И. Тресков, Творческое содружество, Нальчик, 1956, стр. 7, 8; его же, Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963, стр. 256.

Нельзя согласиться с Г. Ф. Турчаниновым, будто район Майкопа в XIII до н. э. входил в состав Колхидского государства. Во-первых, не доказано, что такое государство в ту пору существовало. Во-вторых, известия о Колхиде единогласно помещают ее в Закавказье. В-третьих, следовало бы помнить, что до присоединения Кавказа к России ни одному государственному образованию не удавалось утвердиться на обоих склонах снежной части Кавказского хребта.

Как историк, не могу согласиться с утверждением Г. Ф. Турчанинова, будто этническая территория абхазов задолго до начала нашей эры включала часть Северного Кавказа и даже часть Крыма⁷. Свой вывод он обосновывает сопоставлениями прикубанских и крымских топонимов со сходными абхазскими терминами. Замечу, что абхазо-абазинские следы в топонимике Краснодарского края были известны кавказоведам и до Г. Ф. Турчанинова⁸. Возражения вызывают неубедительные факты, взятые им для подобных сопоставлений и предложенная им датировка появления абхазо-абазинских топонимов на территории Краснодарского края.

Насколько вольно обращается Г. Ф. Турчанинов с лингвистическими фактами, продемонстрирую двумя примерами. Первый из них относится к объяснению «Антикитос», одного из древнегреческих названий р. Кубани. Г. Ф. Турчанинов утверждает, что задолго до начала нашей эры абхазы будто бы обитали на берегах р. Кубани и будто бы называли ее Адзгыта. Такое неизвестное в абхазском языке название Г. Ф. Турчанинов реконструировал из абхазского «адзгы» — «быстрая река»⁹ и аффикса «та», непонятного абхазам, но, предположительно, означавшего «место» (подобно «эти», показателю местности и страны в современном грузинском языке). Позже, по уверению Г. Ф. Турчанинова, на берегах р. Кубани абхазов сменили адыги, переработавшие «Адзгыта» в «Адыге-та». Последний термин состоит из адыгского этнического самоназвания и уже известного нам «абхазского» аффикса «та». Из «места быстрой реки» став «адыгским местом», это «адыго-абхазское» наименование Кубани «воспринималось как «река адыгов» и потом было переделано греками в «Антикитос»¹⁰. Столь сложную историю образования последнего термина Г. Ф. Турчанинов, к сожалению, ничем не подтвердил, и она осталась голословной декларацией.

Не менее показателен пример с объяснением названия древнего племени синдов. В нем он видит упомянутый выше аффикс «та» и реконструированное «шын», которым древние абхазы, по его мнению, называли «море»¹¹. Такое объяснение этнонима «синд» нельзя признать убедительным и лучшим из существующих (которые Г. Ф. Турчаниновым даже не упомянуты), но автор опирается на него и считает возможным говорить о «синдах-абхазах», как о твердо установленном факте¹², хотя в другой статье, тоже недавно изданной, он столь же определенно заявлял, что синды — это адыги¹³.

Что касается историко-лингвистических построений Г. Ф. Турчанинова, замечу лишь, что для объяснения конечного «т» в этно- и топонимике района Таманского полуострова античного времени логичнее ссылаться не на современную абхазскую речь, а на относящиеся к той же античной эпохе и территориально близкие меото-сарматские этнонимы с таким же конечным «т»: тореты, керкеты, меоты, яксматы, сарматы, масагеты и др. Г. Ф. Турчанинову, конечно, известны существующие гипотезы о происхождении этого окончания и, если он не согласен с указанными гипотезами, то ему сначала следовало бы показать их несостоятельность и лишь после этого декларировать новую точку зрения.

К какому же времени нужно отнести появление в нынешнем Краснодарском крае (но, конечно, не в Крыму) абхазо-абазинской топонимики? Реальные условия для этого

⁷ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 95—98; его же, Les révélations de la pierre inscrite de Maïkop, стр. 52.

⁸ Х. С. Бгажба, Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии, «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа», XXVII, Сухуми, 1956, стр. 289—303; Л. И. Лавров, Обезы русских летописей, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 163, 164; его же, Адыги в раннем средневековье «Сборник статей по истории Кабарды», выл. IV, Нальчик, 1955, стр. 41.

⁹ Чтобы не усложнять набор, абхазские и греческие термины приведены здесь в приближенном русском написании.

¹⁰ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 96.

¹¹ Возможно по аналогии с «шин» — «вода» в даргинском и лакском языках. «Море» по-абхазски называется «амшын».

¹² Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 97.

¹³ Г. Ф. Турчанинов, Древнейшая III в. н. э. адыгская (-меото-синдская) надпись на гемме из Краснодарского историко-краеведческого музея, «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та», т. XIX, Нальчик, 1963, стр. 209, 215, 216.

воздались только в средние века, точнее, после разгрома монголами алан в XIII в., когда часть адыгов переселилась на освободившиеся земли на востоке и образовала нынешнюю Кабарду, а другая временно заняла степи между реками Кубанью и Доном (где в конце XV в. адыгов застал Г. Интериано). На земли, освободившиеся тогда в Адыгее, переселились абазины. Позже, когда абазины подверглись интенсивному влиянию адыгской культуры и значительная их часть потеряла родной язык, образовавшиеся перед этим абазинские географические названия оказались на территории распространения адыгской речи.

Говорить об абхазах на Северном Кавказе до средних веков, тем более в XIII в. до н. э., нет никаких оснований, и это одна из немаловажных причин нашего критического отношения к возможности читать по-абхазски загадочные знаки Майкопского камня.

Известно, что языки подвержены изменениям и темпы этих изменений таковы, что русским людям уже через 800 лет понадобятся переводы «Слова о полку Игореве» на современный язык. Поэтому нужно должным образом оценить признание Г. Ф. Турчанинова, что «абхазский» язык Майкопской надписи, несмотря на прошедшие три с лишним тысячи лет, «не настолько отделен от современного, чтобы его при некотором усилии нельзя было понять»¹⁴. А Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-Ипа и М. М. Трапш, будучи природными абхазами, авторитетно свидетельствуют, что «абхазский» текст Майкопской надписи в чтении Г. Ф. Турчанинова является «вполне доступным пониманию современных абхазцев»¹⁵. Это еще один довод против предложенного Г. Ф. Турчаниновым объяснения загадочных знаков Майкопского камня.

Г. Ф. Турчанинову принадлежат попытки чтения разнохарактерных эпиграфических памятников, которые, согласно его заявлениям, охватывают почти трехтысячелетний период (от XIII в. до н. э. до XVI в. н. э. включительно), представляет пять систем письменности («библско-хеттскую», «пехлевийскую», руническую, сирийско-несторианскую и греческую) и написаны на пяти языках (абхазском, адыгейском, кабардинском, ссетинском и древнерусском). Уважение к эрудиции автора указанных трудов не может заслонить нашего глубокого убеждения, что дешифровщика-универсала неизбежно подстерегают ошибки, подобные сенсационному «открытию» «абхазской» надписи, «древнейшей в СССР».

Л. И. Лавров

¹⁴ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1966, № 2, стр. 88.

¹⁵ «Майкопская находка», «Литературная газета», 1963, № 152.